

Религиозным исканиям Д. С. Мережковский отдал почти всю свою литературную жизнь. Этих исканий можно совершенно не понимать; с ними можно не соглашаться, бороться, но никогда не надо забывать, что за ними — десятилетия думы и труда. И к чему же привели автора эти десятилетия?

«Я себя не обманываю», пишет он, «я знаю, что не страшными и даже не смѣшными кажутся слова мои, а только пустыми въ «пустомъ домѣ», гдѣ ихъ слышать некому. «Господи, пусто и страшно въ мирѣ Твоемъ» (Гоголь). Такая пустота, такая скорбь въ мирѣ, какой не было отъ начала міра. Говорю бѣднымъ языкомъ человѣческимъ, но молню, а не кощунствую. (стр. 363).

Остановимся передъ этими словами — пусть молитва будетъ доведена до конца.
И. Демидовъ.

«Благонамѣренный». Журналъ русской литературной культуры. Книга II.

Второй номеръ «Благонамѣреннаго» и лучше (цѣльнѣе) и хуже (бѣднѣе) перваго.

Будемъ надѣяться, что третій счастливо объединитъ относительное богатство перваго съ относительною цѣльностью второго. Нѣкоторымъ ручательствомъ того, что наши надежды оправдаются, является та внимательная любовь къ русской литературной культурѣ, которою бесспорно исполнены какъ содержаніе, такъ и вѣщность новаго эмигрантскаго журнала.

Въ отдѣлѣ поэзіи надо прежде всего отмѣтить «Соррентійскія фотографіи» Владислава Ходасевича. Эти стихи не принадлежать къ лучшимъ вещамъ поэта, но они все же очень хороши: въ нихъ есть и характерное для Ходасевича умное чувство жизни и то органическое чувство формы, съ которымъ нечего дѣлать формалистамъ.

«Старинное благоговѣніе» М. Цвѣтаевой, врядъ ли принадлежащее къ послѣднему періоду ея творчества, читается безъ той острой радости, которую мы привыкли испытывать надъ строками этого крупнаго поэта.

Въ стихахъ молодыхъ писателей — Давида Кнута и Шаховского неприятно переключаются ноты какъ будто бы еще преждевременнаго поэтического самокоронованія. Талантливая поэма Кнута посвящена великой темѣ: «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Апполонъ», и заканчивается свыше обращенными къ Давиду Кнуту словами:

- « Такъ будешь жить въ гармоніи безбрежной,
- « Такъ будешь чтить обѣтованный ладъ.
- « И слушать звукъ, и ждать его прилежно,
- « И умножать великолѣпный кладъ.

Также несомнѣно скромно звучатъ и слова Шаховского.

- « Ступайте прочь, сжигальщики мои,
-

« Вамъ не дано вкушать мое безсмертье,
« Какъ и читать мои стихи.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ отмѣтить, что обѣ приведенныя цитаты отнюдь не напоминаютъ извѣстнаго Сѣверянника «Я гений, Игорь Сѣверянинъ». Давидъ Кнутъ всего только поддается соблазну библейской стилизации и стилизованнаго пафоса. Шаховскому же, очевидно, не удалось сказать то, что ему хотѣлось сказать.

Анализъ этой неудачи завелъ бы меня слишкомъ далеко. Скажу потому вкратцѣ, что она явно коренится въ недостаточной чувствозанности, а потому и продуманности Шаховскимъ своей темы, темы отношенія жизни поэта къ пѣснѣ поэта. Съ одной стороны, Шаховской какъ будто-бы превозноситъ жизнь: «любите жизнь, гдѣ обитаю я, гдѣждало смолкли пѣсни соловья» и не довѣряетъ пустой поэзій, подъ «медленное» (словно насмѣшливое) пѣніе которой сжигаютъ поэта, а съ другой, съ другой непонятно... такъ какъ съ другой, сгорать по Шаховскому и значить творить: «и закружился солнцемъ облитой легчайшій паръ — мое творенье».

Но если такъ, то какъ можно поэзію оплачиваемую сжиганіемъ называть пустой и потомъ какъ можетъ поэтъ сгорать подъ пѣніе поэзій? Пепель — всегда результатъ сгорания. Твореніе поэта — пепель его души. Какъ же можно сжигать душу поэта подъ пѣніе результата ея сожженія?

Мнѣ кажется, что въ этой неясности и таится причина того, почему нѣжное и тихое стихотвореніе Шаховского внезапно обернулось у него подъ перомъ непонятною амбиціозностью.

Въ отдѣлѣ прозы помѣщены «Страды Богородицы» Алексѣя Ремизова, говорить о которыхъ вскользь не приходится (мистическая іероглифика и синтаксическая каллиграфія этого труднаго художника и замысловатаго искусника слова еще ждутъ своего спеціального исследователя), и три разсказа молодыхъ беллетристовъ: «Синагора» Еленева, «Тыль» Сергѣя Эфрона и «Москва» Соболева. Во всѣхъ трехъ вещахъ приятно ощущается упорная работа надъ формой и наличие нѣкоторой внутренней напряженности. М. Еленевъ удачно (со стороны чувства, быть можетъ, даже удачнѣе, чѣмъ со стороны стили) пересказалъ пражскую легенду. Соколовъ, пользуясь отчасти Бѣловской ужимкой ироническаго отношенія къ своимъ собственнымъ персонажамъ, отчасти Ремизовскимъ преизбыточнымъ смакованіемъ въ описаніи деталей, далъ все-же лишь вышше стилизованную Кустодіевскую Москву, нарочито вдвинутую въ событія 1914 года. Въ общемъ вещь сдѣлана не плохо и читается съ безусловнымъ интересомъ.

«Тыль» С. Эфрона интереснѣе обѣихъ названныхъ вещей уже тѣмъ, что онъ первичнѣе, поднявъ авторомъ со дна души, настѣлъ на большіяхъ, жизнью оплаченныхъ впечатлѣніяхъ. Съ этою первичностью содержанія удачно контрастируетъ осложненность повѣствовательной формы. Небольшой эпизодъ — отступленіе блага от-

ряда — дашь въ нѣсколькихъ разрѣзахъ : тыловое офицерство, семья господина Рабиновича, бѣлая мечта, старинный домъ генерала аншефа Лотохина, коммунистическія тѣни. Эти плоскости пересѣкають другъ-друга подъ острыми углами. Въ связи съ этимъ большая острота повѣствующаго слова : отъ почти лирической строфы до карикатурной силуэтности. Въ общемъ вещь не только потенциально талантлива, но и удачна, хотя есть, конечно, и срывы.

Въ отдѣлѣ статей интересна большая вещь М. Цвѣтаевой «Поэтъ и критикъ». О вѣрности главныхъ мыслей Цвѣтаевой можно много спорить, но объ остротѣ и даже блескѣ самаго процесса мышления — спорить нельзя. У Цвѣтаевой умны не только мысли, но и фразы; иногда не столько мысли, сколько фразы, самые жесты фразъ : ихъ темпы, перехваты, ракурсы. Читая Цвѣтаеву всегда большое наслаждение; соглашаться же съ нею часто опасно.

Не думаю я, напримеръ, что критика «абсолютный слухъ на будущее». Абсолютный слухъ на будущее — пророчество. Пророческое же и критическое дарованія — вещи весьма различныя. Врядъ-ли справедливо также заподозрѣвать серьезность и вѣрность стихотворной критики на томъ основаніи, что ея авторомъ является слабый, къ себѣ самому недостаточно строгій, поэтъ. Правда Сентъ-Бевъ отвергъ въ себѣ поэта, но А. В. и Фридрихъ Шлегель этого не сдѣлали; а вѣдь и они были величайшими критиками своего времени; критиками, не лишенными слуха на вѣчное. Весьма спорна и та рѣзкая грань, которую Цвѣтаева полагаетъ между жизнью и творчествомъ поэта : «въ частной жизни все позволено — въ стихахъ ничего». Человѣкъ, въ особенности человѣкъ творецъ — существо духовное; духовное же начало, начало цѣлостное, недѣлимое. Отдѣлять Маяковского коммуниста отъ Маяковского поэта — значитъ пренебрегать духовнымъ содержаніемъ его стиховъ. Такое пренебреженіе естественно для Шкловскаго, но Цвѣтаева должна была бы думать иначе.

На ряду съ этими ошибочными мнѣніями въ статьѣ Цвѣтаевой есть и очень много вѣрнаго. Особенно существенно все сказанное въ 4-ой и 5-ой главахъ. Конечно, вещь пишется поэтомъ «не для миллионновъ, не для единственнаго и не для себя»... «а для самой вещи». И очень вѣрно, что всякая вещь до того момента, какъ начинаетъ писаться «гдѣ то существуетъ точно и полностью написанная». Платоновское убѣжденіе и ощущение, что всякое творчество есть лишь воспроизведеніе нѣкой высшей духовной реальности, передано Цвѣтаевой очень хорошо : лично, просто и точно.

Диалогъ Святополкъ-Мирскаго «О консерватизмѣ» написанъ, какъ все, что выходитъ изъ подъ пера этого талантливаго, но своеправнаго и подчасъ привередливаго критика, занимательно и живо; но проблемы культурнаго консерватизма онъ, къ сожалѣнію, не только не разрѣшаетъ но даже и не ставитъ : ужъ очень нерасторопенъ на голову консервативный оппонентъ автора діалога.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о библиографическомъ отдѣлѣ. Онъ ведется въ несомнѣннѣ обычныхъ тонахъ и придаетъ журналу

какую-то свою особую физиономію. Всѣ рецензіи очень коротки, всѣ интересны, но иногда слишкомъ забавны и даже затѣйливы. Право, я не могу понять, почему Вл. Диксонъ хвалитъ Святополкъ-Мирскаго за то, что онъ своей «своей англійской книгой усилилъ въ Англии впечатлѣніе о Россіи, какъ о медвѣдѣ, ходящемъ на заднихъ лапахъ», какъ я не могу понять и Святополкъ-Мирскаго, сообщающаго англичанамъ, что Мерезжковскій сдѣлался законнымъ наслѣдникомъ Надсона, и что изъ него могъ бы выработаться хороший писатель для юношества. Такое англизирующее упрощеніе вещей было бы очень кстати, если бы Святополкъ-Мирскій задался цѣлью передать намъ, русскимъ, своеобразное пониманіе англичанами духа русской культуры, но оно весьма неумѣстно въ книгѣ, стремящейся выяснитъ англичанамъ сущность русской литературы.

На такіе же «ребусы» наталкиваешься и въ другихъ рецензіяхъ. Думается, что явленіе это не случайно. Думается, что оно связано съ чрезмѣрной эстетичностью «Благонамѣреннаго», напоминающей времена символизма «Вѣсовъ» и «Аполлона». Отсюда и совѣты «Пути» развивать литературный отдѣлъ и упрекъ «Современнымъ Запискамъ», что онѣ на задворкахъ печатаютъ Ходасевича и подчеркнутая безразличность къ политикѣ, непониманіе того, что политика сейчасъ быть можетъ много метафизичнѣе литературы.

Если бы журналъ освободился отъ этого своего запоздалаго эстетизма, отъ погони за затѣйливымъ и интереснымъ, забралъ бы глубже въ направленіи духовнаго раскрытія сущности и смысла художественнаго творчества, онъ безусловно выполнялъ бы нужную задачу.

Ф. Степунъ.

Психологическая и психоаналитическая библиотека под ред. проф. И. Д. Ермакова. Серия по худож. творчеству. Вып. XIV. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина (Опыт органического пониманія «Домика в Коломне», «Пророка» и маленьких трагедій). Госуд. Изд. 1923 г.

Это — та книга, ссылаясь на которую русский автор работы о Пушкинѣ, написанной для постороннихъ людей (Pushkin by prince D. S. Mirkov), говорить, что имени автора онъ предпочитаетъ не называть. Почему, — станетъ ясно изъ нижеслѣдующихъ образчиковъ анализа Пушкина у Ермакова.

Стихъ (Д. въ К.) «...то въ ямѣ, то на кочкѣ» — символическое выраженіе мыслей, подсказавшихъ П. эпиграфъ: modo vir, modo femina. «Яма» — женщина, «кочка» — мужчина (стр. 25). Откуда взялось заглавіе Д. въ Кол.? «Домикъ коломъ мнѣ придется»: П. раздумываетъ о своемъ будущемъ «домикѣ» (женитьба на Гончаровой) — стр. 27. Стихъ «что перестать, или пустить на пѣ». «Пѣ — Пушкинъ, — и все время говоря о себѣ, воплощаетъ въ образахъ жизнь, пережива-